

IN MEMORIAM

Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

Из интервью Олега Ефремова
«Все понимающий Ефремов» («НГ»,
24.01.97)

— Как вы относитесь к театру
— как к развлечению, примером
чему в последнее время не
счесть?

— Не хочется быть модным.
Если произведение искусства —
удачное или неудачное — не
решает какую-то обязательную
бытийную, жизненную, челове-
ческую задачу, духовную, то
тогда мне это уже неинтересно.

— Вы говорите, не хочется
быть модным. Но ведь «Совре-
менник», может, и помимо ва-
шей воли, был очень модным те-
атром.

— Нет, он не был модным. Он
был просто другим, и многие не
знали тогда, как его оценивать,
потому что оцениваем-то мы,
отсчитывая от моды. Я помню,
как Демидов — был такой кри-
тик в журнале «Театр» — писал,
что он не принимает «Совре-
менник», поскольку искусст-
вом для него было что-то дру-
гое. Но на их спектаклях, пи-
шет он, я погружаюсь... И даль-
ше признается в том, ради чего
мы «Современник» и делали.

— Вы, мне кажется, очень вер-
ный человек. Я имею в виду то,
например, как вы относитесь к
Горбачеву. Вы ведь так горба-
чевцем и остались?

— Я стараюсь быть справедли-
вым, а не то что бы верным.
Я справедлив — не было бы ни-
какой этой жизни, если бы не
Горбачев. Я видел, как он ты-
кался то туда, то сюда, движи-
мый каким-то своим чувством

тоже справедливости. Поэто-
му я искренне не понимаю, по-
чему интеллигенция так его от-
бросила от себя. Я не говорю,
что таким именно и должен
быть руководитель, я говорю о
том, что он совершил и сделал у
нас в стране. А во что это выли-
лось... Он уже тут ни при чем.
Не он виноват в том, что демо-
краты-то, грубо говоря, оказа-
лись жиденькими — все, к со-
жалению. И вороватыми, хотя
это, конечно, недоказуемо.

— По-вашему, в России может
быть два национальных театра —
Малый и Художественный, две
школы?

— Нет, я бы сказал, что все-
таки Художественный — это те-
атр XX века, национальный те-
атр, который привнес в искус-
ство очень многое, взяв лучшее
у Малого. Главное в Художест-
венном театре — это движение,
постоянное и обязательное раз-
витие.

— Оно есть сегодня?

— Иногда есть, а иногда и нет.
Вообще развитие — это не рав-
ненное что-то, а это всегда ту-
да-сюда, туда-сюда... Но глав-
ное... Это Лев Николаевич ска-
зал — по-моему, очень здорово!
— «Главное не то место, которое
мы занимаешь, а то направле-
ние, куда ты двигаешься». Вот
это очень важно... МХАТ ведь
всегда ругали, и это стало чем-
то даже естественным.

— Простите за совсем уж ба-
нальный вопрос: есть ли еще ро-
ли, которые бы вам хотелось сы-
грать?

— Нет. Говорю абсолютно ис-
кренно, честно... Хочется сыг-
рать что-то сложно-психологи-
ческое и современное.

— А поставив?

— Ну вот сейчас я поставлю
«Трех сестер» — опять никто ни
черта не поймет. Ну да ладно.

— Ну а задним числом, как вы
считаете, «Бориса Годунова»,
поставленного вами и сыгранно-
го, поняли?

— Ну раз не поняли, значит,
все-таки что-то там было... Пи-
сали про Бориса, хотя я думаю,
что это уже немало, если в
спектакле, который называется
«Борис Годунов», есть что на-
писать про Бориса. Но мне-то
было важно другое, и я не смог
этого сделать, поскольку на вы-
пуске уже вынужден был ме-
нять — ведь был другой испол-

нитель роли Бориса. Но вот я
что-то пытаюсь сформулиро-
вать в своей статье, которую
можно прочитать в программке
«Бориса Годунова». «Шанс
держко за предел нас опьянившая
свобода» — вот это должно быть
в спектакле, и как человек пы-
тается испустить свой грех и
кровь: «И буду благ и праведен,
как ты». В спектакле все равно
есть масштаб, есть движение.

— В нем более всего видна
трагедия власти — любой власти.
В этом мне видится его главное
достоинство.

— Да, это несомненно. Ситу-
ация перестройки или постпер-
естройки, когда идет борьба за
власть, время — оно всегда так
качается. И антиловские при-
зывы, и наша всегдальная бо-
язнь гражданских столкнове-
ний... Отголоски этого должны
быть.

Из диалога Ирины Соловьевой и
Григория Заславского «Нехари-
зматический лидер» («НГ»,
01.10.97)

И.С. Рискую сразу нарушить
правила интервью и первой за-
дать вопрос. Что тебя, пред-
ставителя совсем другого поколе-
ния, как журналиста, как театр-
оведа, историка театра, — что
тебя интересует в фигуре Ефре-
мова?

Г.З. Некоторое время назад,
трудно смиряясь со смертью
Юрия Никулина, я начал ду-
мать, осталось ли рядом хоть
сколько-то чужих людей, поте-
ря которых станет переживать-
ся болезненно лично, трагиче-
ски. Кого будет по-человечески
жалко. Ефремов — один из двух
или трех.

И.С. Кого страшно поте-
рять... В самом деле.
Олег Николаевич Ефремов —
личность действительно заме-
чательная тем, что он был ро-
жден вызывать к себе любовь. Он
— концентрирующий, привлека-
ющий к себе человек. Даже та-
кое, в общем, весьма сарка-
стичное, совсем не доброе, сов-
сем не воплощающее собою
«образ любви» существо, как
Людмила Стефановна Петру-
шевская, взявшись рассказать о
Ефремов, вспоминает, как она
восприняла его в одной из пер-
вых его ролей — в роли Кости
Полетаева в «Страннице жизни».
Вот тот, кого сейчас мы все по-
любим.

Олег в юности был вылитый
молодой борзой пес, такой он
был худой, поначалу некраси-
вый, как некрасив поначалу
шенок борзого, а потом весь ус-
тремленный вперед; поразит-
ельное существо, воплощен-
ная чуткость, ожидание сигнала
к бегу и бег — великолепный, и
удар грудью, сбивающий волка.
Борзой пес ведь несется, несо-
быкновенно легко меня на-
правление, — хильнет тот, за
которым он гонится, и он хиль-
нет, хильнет не в дурном смыс-
ле слова, а в смысле гибкости.
Он — как стрела, но стрела, ко-
торая сама собой движется, мо-
жет остановиться, сменить
цель. Живая стрела.

Ефремов из всех актеров Ху-
дожественного театра старшего
поколения увлекался больше
всего Добронравовым и просто,
почти наниво, а в то же время
глубоко профессионально за-
дал ему вопрос: «Как вы доби-
ваетесь того, что так произни-
тельно, так заворачивающе

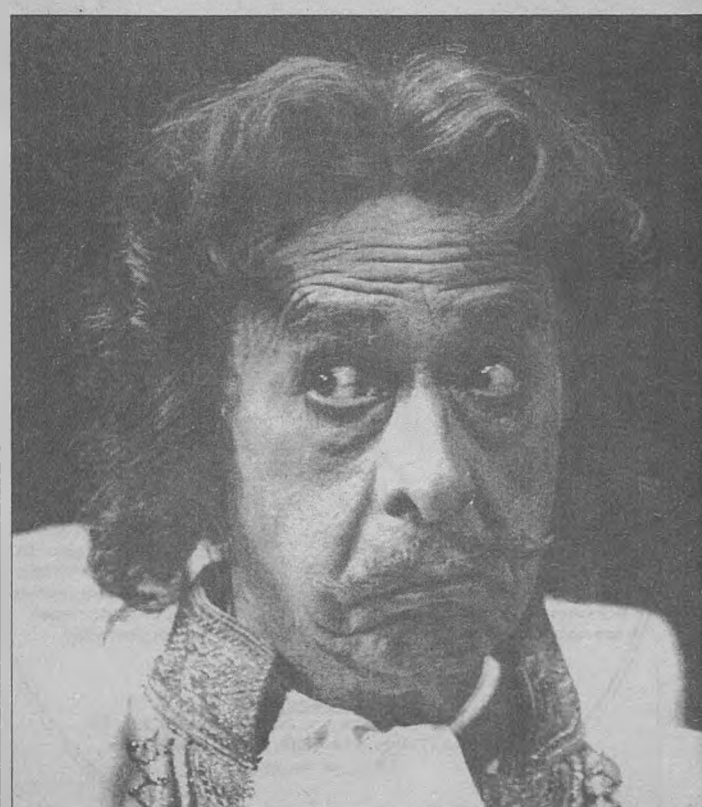
Позавчера ушел из жизни Олег Николаевич Ефремов. Мы решили вспомнить, каким воспринимали его искусство и его самого в последние годы. Теперь за один только миг эти слова, мысли, чувства приобрели совершенно иной смысл, трагические оттенки. Именно поэтому хочется произнести их еще раз.

Фото В. Нисанова. АПН. 1974 год

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

В роли Мольтера. «Кабала святош», 1995,
МХАТ имени Чехова.
Фото ИТАР-ТАССВ роли Лямина. Евгений Евстигнеев — Куропеев. Спектакль
«Назначение», 1964, театр «Современник».

действует ваш взгляд на парт-
нера?» И тот ответил абсолютно
всерьез: «Я на доли миллимет-
ра, чуть-чуть приближаюсь к
человеку». Это только актер мо-
жет понять. Действительно так:
вы как будто стоите неподвиж-
но, но на доли миллиметра на-
ступаете на партнера, и это дает
нарастающее соприкосновение
взгляда. В Олеге было что-то
другое — не знаю, двигался ли
он вперед на доли миллиметра
или, наоборот, чуть-чуть отсту-
пал назад, чтобы звать за собой
собеседника. Я подозреваю, что
у него контриприм: в момент
общения он чуть-чуть отступа-
ет, как будто подманивая. Хо-
чется подойти к нему ближе,
хочется, чтобы он тобой не-
многожко распорядился, чтобы
он дал тебе какой-нибудь при-
каз.

Г.З. Я думаю, что счастье это
происходило еще и оттого, что
Ефремов, лицо которого — это
лицо человека нашего двора,
лицо, может быть, рабочего,
непаром среди прочего за ним
закрепилось амплуа социаль-
ного героя — если и звал за собой,
если куда и посылал, то не на
дурное дело. Правда, когда я
однажды назвал его добрым, он
сказал, что он не добрый, а
справедливый.

И.С. Он тебя звал служить, и
в нем самом была такая заме-
чательная доля служения тому
общему, что объединяло его со
Станиславским, которого он
любил, и с Немировичем-Дан-
ченко, которого он не любил и
не любил до сих пор, со всеми
строителями Художественного
театра от Саввы Морозова до
Стаховича и кого угодно, со
всеми людьми, которые делали
этот театр... Он до такой степе-
ни хотел использовать себя и
тебя, отдавшись самому и во-
влекая тебя, — хотел исполь-
зовать себя и тебя для дела, ко-
торое нормально можно назы-
вать делом добра. Это человек,
с которым хочется защищать
тот участок фронта, на кото-
ром сражается лейтенант Ива-
нов, — дальше этого рубежа я
отступать не могу, и вы не за-
ставите меня отступить: я оста-
нуусь с ним здесь. И убьют
нас тут или не убьют — до по-
следней минуты будет пре-
красно, потому что мы будем
делать то, что надо делать. Ему
было дано благословенное
свойство знать, что действи-
тельно надо делать. В разное
время — делать разное.

Будем же правдивы: Ефре-
мов практически вытаскивал Ху-
дожественный театр из той ды-
ры, в которой он пребывал к
70-му году. Вернул в этот театр
то, что ему, Ефремову, самому
пришлось — крупность мысли,
крупность восприятия челове-
ческих отношений, жизни, ко-
торая — такая путаная штука...
И как он ее не боится?! И от-
сюда его дар, гений и мучени-
чество реалиста, потому что
для того, чтобы в этом разо-
браться, нужно прежде всего
жизнь видеть не смешенной
художественно, не преобразо-
ванной сценической игрой,
фантазией и так далее.

Летом 1999 года Авторское
телевидение в рамках проекта
«Чтения» сняло Олега Ефре-
мова, читающего повесть Чехова
«Моя жизнь». Роль чтения стала
последней ролью артиста.

Фильм давно смонтирован, но до
сих пор не был показан широко-
му зрителю. Видимо, только те-
перь настало время...

Из интервью режиссера Григо-
рия Катанова «Культура чтения
на АТВ» («НГ», 2.10.99)

— Скажите, Григорий, как на-
чалась работа над сериалом?

— По просьбе Олега Никола-
евича мы начали снимать наш
сериал в Мелихове, мемориаль-
ной чеховской усадьбе. Для
съемок использовали все про-
странства — комнаты усадьбы,
террасу, скамейки, хозяйствен-
ный двор, кухню и малосень-
кий домик, где была написана
«Чайка».

Ефремов болен, ему трудно в
кадре вставать, ходить из ком-
наты в комнату, прогуливаться
по аллее, сесть на скамейку —
поэтому, читая Чехова, — он
большой частью сидит. Ефре-
мов, являясь главным и единст-
венным центром этой работы,
невероятно интересен и загадоч-
ен сам по себе. Не деланным
внешним выражением, не ак-
терской позой, не «взятой» ро-
лью или умно рассчитанным
поведением. Он интересен сво-
им открытым взглядом, мудрой
интонацией, ефремовской ма-
нерой говорить и реагировать
на собственные мысли и ощу-
щения. От его лица трудно от-
вести взгляд. Я сейчас монти-
рую, и мне кажется, что сериал
можно смотреть без звука —
слишком уж самостоятельны
жесты Ефремова, его мимика,
выражение мудрого, подвижно-
го лица, улыбка.

Мне было неловко, да и не
хотелось уговаривать, «рабо-
тать» с ним — читает он повесть
так, как хочет сам. Никаких
дублей! И в Москве мы текст
почти не репетировали.

Мне показалось, что нужны
не только чтения, но и коммен-
тарии к чтению, отступления,
воспоминания, размышления.
Но только ни в коем случае не
театральные байки от Ефремо-
ва, а конкретные, очень лично-
стные мысли. Предположим, у
Чехова в тексте является те-
ма, и тут же, подняв глаза от
книги, Ефремов репризно из-
лагает свой взгляд на этот пред-
мет, рассказывает истории «по
поводу», даже анекдоты.

— Как рождались эти истории,
отступления?

— Что-то мы оговаривали за-
ранее, что-то Ефремов импрови-
зировал на ходу, какие-то
вопросы я задавал в паузах. Не
хочу показаться циничным, но
ведь в этом сериале Чехов нас
интересует меньше, чем леген-
да театра и кино, артист Ефре-
мов. Его увлекательные и жи-
вые мысли рождаются здесь и
сейчас, в диалоге с Чеховым, и
вместе со зрителем актер сам
получает от них удовольствие.
Но как только Ефремов берет-
ся за книгу, он словно переме-
щается в другое пространство.
Теперь на монтаже я мучаюсь
тем, что хочется в каждой се-
рии давать больше ефремов-
ских комментариев, воспомина-
ний и характеристик самого
актера, но тогда «Моя жизнь»
Чехова окажется необязатель-
ным фоном, что дискредити-
рует замысел.

Панихида по Олегу
Ефремову пройдет 31
мая в 11 часов в Мос-
ковском Художественном
академическом театре
имени Антона Чехова
(Камергерский переулок,
д. 3). По иронии судьбы
вся труппа и дирекция
театра находятся в дан-
ный момент на гастролях
на Тайване, именно
поэтому похороны пере-
несены на столь поздний
срок. Олег Ефремов
будет погребен на
Новодевичьем кладбище.